

Когнитивная эгология: дефиниция, дескрипция и критика ее Винсентом Декомбом

The cognitive egology: definition, description, and criticism by Vincent Descombes

Кудрин С.К.

Аспирант направления «47.06.01 Философия, этика и религиоведение», Санкт-Петербургский государственный университет

e-mail: ward_93@mail.ru

Kudrin S.K.

Postgraduate Student of Direction «47.06.01 Philosophy, Ethics and Religious Studies», Saint-Petersburg State University

e-mail: ward_93@mail.ru

Аннотация

В статье дается детальный обзор когнитивной эгологии. Дается ее дефиниция, а также предмет. Указываются представители ее в истории философии. Проводится подробная дескрипция этого множества учений. Показывается различие между эгологией и философией первого лица. Доказывается, согласно Винсенту Декомбу, что тезисы, на которых строится эгология, ложны, а это значит, что философия субъекта может быть выстроена только как философия третьего лица, так как и в эгологии, и в философии от первого лица нельзя однозначно идентифицировать субъект.

Ключевые слова: современная западная философия, философия субъекта, Винсент Декомб, когнитивная эгология, язык, первое лицо, третье лицо, «лингвистическая прививка» к субъекту.

Abstract

The article provides a detailed overview of cognitive ecology. Its definition is given, as well as the subject. Its representatives in the history of philosophy are indicated. A detailed description of this set of teachings is provided. The difference between ecology and first-person philosophy is shown. It is proved, according to Vincent Descombes, that the theses on which ecology is based are false, which means that the philosophy of the subject can only be built as a third-person philosophy, since in both ecology and first-person philosophy it is impossible to uniquely identify the subject.

Keywords: modern western philosophy, the philosophy of the subject, Vincent Descombes, cognitive ecology, language, first person, third person, "linguistic vaccination" to the subject.

Каким образом можно обозначить кого-либо в качестве субъекта? Есть единственный вариант осуществить это – через естественный язык. В такой ситуации естественный язык выступает как посредник между миром и человеком. Он способствует обретению определенным человеком идентификации и помогает отделить конкретного индивида от иного. Но как естественный язык позволяет это сделать с точки зрения своего проявления? С точки зрения грамматики обыкновенно для передачи субъекта в языке используется местоимение первого лица единственного числа – «Я». Однако, можно спросить, насколько корректно данное употребление его? Тут стоит различить две ситуации и соответствующие им два вопроса: 1) Если сказывается о первом лице единственного числа, можно ли в таком случае понять, кто именно был субъектом? 2) Если я сам производитель действия, нужно ли

мне задавать вопрос о субъекте? Например, в первой ситуации, в предложении «Я помыл попугая», невозможно однозначно распознать субъект по причине, того, что «Я» не имеет четкой и однозначной идентификации, которая возможна только в третьем лице, во второй же ситуации – во фразе «Я сходил на хоккей» нет смысла задавать вопрос о субъекте, если субъектом являюсь я сам, Кудрин Сергей Константинович, который сходил на хоккей и сам же задал вопрос себе: «Кто сходил на хоккей?».

Существует множество доктрин, которые касаются «себя самого» и включают в себя концепт субъекта в философском плане непосредственно в факте высказывания от первого лица. Это множество доктрин Декомб называет «когнитивной эгологией». «Эгология, или иначе "доктрина себя", когнитивна в том смысле, что утверждает возможность иметь знание о себе самом как о субъекте, лежащее в основе употребления первого лица. Субъект в рамках задан для самого себя так, что он может использовать слово "Я", а именно: из референтивного значения этого слова сможет извлечь описание феномена существования для самого себя» [1, с. 125-126]. Предметом эгологии является объяснение того, откуда у меня есть знание, что я это я, а не кто-то иной. По мнению Декомба, «это знание выражается в пропозиции, которую Гегель счел принципом абстрактного идеализма: "Я есть я сам". Эгология утверждает, что эта фраза не только истинна, но фундаментально, субстанциально истинна» [1, с. 130].

Когнитивная эгология полагает, что нужно соблюсти одно эпистемологическое условие, необходимое дабы использовать грамматическое первое лицо – надо знать кое-что о себе. Именно в этом и состоит проблема – выявить, кто является носителем этого знания и в какой форме он овладевает им. Французский мыслитель утверждает: «Когнитивная эгология полагает, что я должен узнать, что я — это я, непосредственным способом познания себя, присутствующего здесь и представленного самому себе именно в том виде, в котором я сейчас существую и который я и обозначаю самим собой. Такая эгологическая доктрина "я" утверждает [...], что истинностное высказывание "я есть я" не является пустым, а имеет глубину. Чтобы мне воспользоваться этим словечком "я", я должен знать, что это слово обозначает. Я должен знать, с чем оно употребляется. Я должен, наконец, знать, что это такое — "я" и что означает быть собой. Если я не знаю, что означает быть собой, если я не знаю, что я и есть я, если я не знаю, что обладаю этой формой существования, - я не смогу употребить это слово "я" для сообщения о себе» [1, с. 131-132]. Представители эгологии в истории философии – Рене Декарт [2], Жан-Поль Сартр [3], Эдмунд Гуссерль [4], Георг Вильгельм Фридрих Гегель [5] и др. Французский философ связывает большое влияние и такую мощную популярность когнитивной эгологии с тем, что в современной западной философии понятия используются некритическим образом и существует серьезная концептуальная путаница в ней.

По Декомбу, необходимо различать эгологию и философию первого лица. Философия первого лица показывает разницу между выражением в первом лице и этим же выражением в третьем лице. При выражении в первом лице есть сама ситуация и как её видит субъект интенционального высказывания (субъект намерения), при выражении же в третьем лице существует описание поведения агенса наблюдающего за ним и его намерений, таким образом, различаются два агенса: агенс высказывания от первого лица и агенс высказывания от третьего лица – это два разных взгляда и две различные практические ситуации. Это различие важно для феноменологии. С высказываниями от третьего лица феноменология справляется хорошо, а на высказываниях от первого лица она «зависает», «субстанциализируя» Я. В таких ситуациях и требуется различие эгологии и философии от первого лица в виде различия ситуаций использования возвратных глаголов (необходимости применения психологических глаголов).

Декомб пишет: «Всякая философия первого лица необязательно является эгологической доктриной», так как она не поддерживает тезис о том, что «в первом лице

говорящий обозначает субъект предикации, который он позволяет идентифицировать, подавая нам знак, что речь идет о существе, им самим обозначенным как "я" или как "я сам", то есть он сам себя с ним идентифицирует» [Цит. по: 1, с. 131].

В случае же высказывания от первого лица говорящий не должен обозначать, что он идентифицирует себя в роли индивида, произносящего в настоящий момент – это высказывание.

А в эгологии «субъект не является человеком, не является индивидом, идентифицированным как человек, то есть живым телом, живущим так, как живет человек, животное человеческого вида» [1, с. 133]. Он есть его. В этом случае «философии субъекта нужно где-то еще, за пределами человеческого существования, искать определение человеческой идентичности, выражающееся через грамматическое первое лицо» [1, с. 133-134].

Винсент Декомб, описывая это множество доктрин, подвергает их критике. Французский мыслитель в третьей главе «Дополнения к субъекту...», по его собственным словам, «разбирает отношения с собой, которые выражаются в акте указания на самого себя. Этот акт носит характер возвратности, для того, кто совершил действие и это можно осмыслить, только если факт произнесения слова "Я" позволяет говорящему "позиционировать себя в качестве субъекта", отличного от такого индивида, которым его видят другие. Развитие этой интерпретации первого лица порождает философию сознания» [1, с. 18-19], которая является частью когнитивной эгологии. Согласно Декомбу, «эту философию сознания Людвиг Витгенштейн окончательно разбил своей аргументацией. В ответ она не нашла ничего лучше, чем просто проигнорировать эту аргументацию и существовать дальше, как будто ничего и не случилось» [Цит. по: 1, с. 19].

Французский исследователь, осуществив дефиницию эгологии и выделив предмет ее, заявляет, что у нее есть два основных тезиса, которые находятся в ее основании:

1) Функция «Я» во фразе референтивна. Самореференция: простое тождество (Я=Я). Способность знания себя.

2) Нужда в феномене самого себя или передачи самого себя себе именно в качестве себя и в виде себя, дабы существовала потенция соотношения слова «Я» с употребившим это слово, иными словами, возможность отсылки к себе, т.е. различие и отождествление себя.

Оба тезиса, согласно В. Декомбу, являются ложными, так как первый тезис ссылается на референта в первом лице, которого нереально четко идентифицировать, ибо с точки зрения высказывания от него непонятно кто именно – субъект («речь от первого лица обозначает говорящего, но не существует логического требования, что этот субъект должен быть человеком» [1, с. 135]), это оказывается ясным лишь в некоем действии. Если, все-таки, осуществляется притязание произвести идентификацию субъекта в высказывании от первого лица, то это «Я» обладает неоднозначной и размытой дефиницией, неясной для всякого, так как оно, как минимум, не разрешает в собственных рамках противополжить действительно сделанное агенсом и намерение, которое у него было до совершения этого действия, а, как максимум, ведет к дурной бесконечности (например, см. [1, с. 31]). Кроме того, «эгологическая доктрина отвечает, что она отсылает к себе же, к своему его. Сам по себе этот ответ может вызвать только недоумение: если есть различие между референцией к себе самому и референцией к себе какому-то, то в чем его суть?» [1, с. 142]. Также, следуя Людвигу Витгенштейну, «если слово "я" имело... референтивную функцию, оно могло бы быть употреблено ошибочно. И наоборот. Если оно обязательно должно быть употреблено для корректного обозначения личности говорящего, тогда у него не должно больше быть этой функции выбора референта из всех других возможных» [1, с. 161], однако «если мы утверждаем, что слово "я" идентифицирует его как "себя" или как "субъекта", тогда нужно признать, что в одном человеке есть две личности — объективная и субъективная. Таким образом, считать, что "я" нагружено референтивной функцией, - это де-факто настаивать на

заблуждении, состоящем в уподоблении первого ("самообозначение") и третьего лица (отношения референции)» [1, с. 161].

Касательно второго тезиса «возникает одна сложность: чтобы иметь возможность идентифицировать себя самого как себя самого [...], нужно знать, что означает быть собой. Но ведь знать, что такое быть X, совсем не то же самое, что быть знать: "Я есть X". В этой точке должны совпасть два знания. Если они не совпадут, то может случиться, что я буду знать, что такое я через факт, что я дан себе в форме меня самого, при этом, не будучи способным обозначить того, кого следует обозначить в качестве меня, известного как я» [1, с. 132-133]. Так, из картезианского «Я мыслю» = «Я существую» совсем не следует то, что «Я есть мыслящая вещь» (более подробно см. [6]). Помимо этого, второй тезис тоже пробует рассматривать «Я» в отстранении от действия, а также в отстранении от других Я, с помощью которых это «Я» собственно возникает. Также к этому тезису может быть отнесено, что и к первому, – многозначность и размытость понятия «Я». Все вышеобозначенное указывает на ложность его.

Таким образом, можно резюмировать следующее: когнитивная эгология, которая покоится на двух ложных тезисах, является ложной. Нужно процитировать на этот счет самого французского мыслителя: «Эгология все же не смогла показать наличие факта автопозиционирования или референтивности к себе самому в факте "обозначения себя самого". Она не смогла продвинуться в "дескриптивном плане", что всякой феноменологии вменено в обязанность. Она лишь зафиксировала, что глагол "обозначаться, обозначать себя же" должен иметь синтаксис возвратного глагола, и затем покорно приняла последствия этого решения, снабдив индивида неким частным доступом к себе самому» [1, с. 137].

В. Декомб, вследствие уже доказанной невозможности однозначно установить субъекта в высказывании от первого лица (субъект проявляет себя в действии), различает понятия «субъект» и «Я». «Субъект» не тождественно «Я», «Я» не тождественно «субъект». Кроме того, В. Декомб полагает, что следует различать и другие термины, помимо «субъект» и «Я», относящиеся к самосознанию: «субъективность», «самость», «эго», «себя», по причине того, что эти разнообразные термины ссылаются на разных референтов, обладают различными значениями. В своем трактате «Дополнение к субъекту...» В. Декомб фиксирует это следующим образом. Одним из результатов работы французского мыслителя «станет констатация невозможности объединить в едином концепте все употребления слов "субъект", "субъективный", "самость", "эго", "я", "себя" и так далее – слов, которые философы используют, говоря о самосознании» [1, с. 13].

Тем самым, подробно проанализировав различные варианты, Винсент Декомб делает вывод, что субъект можно определить лишь в третьем лице и только ретроспективно. Иные же варианты (высказывания от первого лица, проспективный вариант определения субъекта) приводят к неизбежным сложностям и, в итоге, к ошибкам, так как не позволяют однозначно выделить его (субъект). В первом случае это происходит за счет двусмысленной и неточной формулировки при его установлении, а во втором – из-за вмешательства в будущем времени интенций агенса, которые необходимо будет разграничивать с реальным действием, которое совершит он в будущем.

Литература

1. *Декомб В.* Дополнение к субъекту: исследование феномена действия от собственного лица. – Москва: Новое Литературное Обозрение, 2011. – 576 с.
2. *Декарт Р.* Сочинения в 2 т. Т. 1 – Москва: Мысль, 1989. – 654 с.
3. *Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. – Москва: АСТ, 2017. – 928 с.
4. *Гуссерль Э.* Картезианские медитации. – Москва: Академический проект, 2010. – 229 с.

5. *Гегель Г.В. Ф.* Лекции по философии духа. Берлин 1927/1928. В записи Иоганна Эдуарда Эрсмана и Фердинанда Вальтера — Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. — 304 с.
6. *Комаров С.В.* Аналитическая критика картезианского cogito. [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_18784598_92925851.pdf (дата обращения: 08.03.2020 г.).